

ТЕКСТ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

на тему «НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В XVIII-XIX веках»

УДК 94 (470+571)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В XVIII-XIX веках

© 2009 г. М.С. Тепсуев

Чеченский государственный педагогический инсти- Chechen State Pedagogical Institute,

тут, Kievskaya St., 33, Grozny, 364051,

ул. Киевская, 33, г. Грозный, 364051, chechgpi@mail.ru

chechgpi@mail.ru

Рассматриваются вопросы формирования на территории Северо-Восточного Кавказа многонационального социокультурного пространства в XVIII—XIX вв. Процесс изображается с точки зрения различных историков. Подчеркивается особая роль г. Кизляра в расширении политических, торговых, хозяйственных и культурных связей России с народами Северо-Восточного Кавказа.

Ключевые слова: народы Северо-Восточного Кавказа, торгово-экономические связи, освоение территорий, Кизляр, культурное пространство.

The article deals with the problems of formation of the multinational sociocultural area in the XVIII—XIX centuries in North Eastern Caucasus. Having learned a lot of sources, the author presents this process with the point of view of many historians. The author underlined the special role of the town Kizlyar in spreading cultural connections of Russia with the peoples of the North Eastern Caucasus.

Keywords: people of North Eastern Caucasus, trade and economic relations, development of territories, Kizlyar, cultural space.

Северо-Восточный Кавказ, в прошлом и в настоящем остается многонациональным регионом нашей страны. Здесь на протяжении веков бок о бок проживало, по подсчетам разных исследователей, около ста народов и народностей. Знаменитый арабский ученый Ибн-Хаукаль (X в.) указывал, что на Кавказе «360 языков; Я раньше отрицал это, - говорил он, - пока не увидел сам много городов и в каждом свой язык» [1, с. 97]. Конечно, здесь не могло быть столько языков, если не иметь в виду наречий и диалектов, на которых разговаривали различные этнографические группы Кавказа.

На протяжении тысячелетий эти народы не имели между собой обозначенных территориальных границ: все они жили чересполосно, попеременно и много общего было у них в развитии экономики и культуры. Кроме того, как отмечал В.Г. Гаджиев, «схожие усло-

вия жизни, общность исторических судеб, вековые экономические и культурные связи, материальное и духовное взаимовлияние, взаимообогащение, поддержка и взаимовыручка порождали идею общности происхождения народов Кавказа» [2, с. 8].

Новейшие исследования, посвященные вопросу древнейшей топонимики кавказских племен, указывают на значительно более обширную территорию, занимаемую ранее чеченскими племенами. По словам Г.А. Меликишвили, адыгейско-чечено-лезгинские племена «были распространены не только к северу от Главного Кавказского хребта, но, по-видимому, и к югу от него, в Закавказье и еще южнее» [3, с. 14]. Другой грузинский ученый И.А. Джавахишвили

установил, что «восточные провинции Восточной Грузии некогда были заселены чеченским и дагестанскими племенами» [3, с. 15], а Н. Марр указывал на то, что хевсуры и пшавы являются «грузинированными племенами чеченского народа» [3, с. 15]. Эту же точку зрения поддерживал и известный востоковед А.Н. Генко.

По мнению многих ученых, территория расселения проточеченских племен в древности тянулась от Дагестана до Сванетии, охватывая Северную и Южную Осетию, Балкарию, Карачай и горные районы Грузии. Следует отметить, что в топонимике этих территорий, а также некоторых других провинций Закавказья отложился значительный пласт чеченоязычных названий.

На протяжении всего XVIII в. чеченское население Терско-Сулакского междуречья продолжало пополняться за счет ичкеринцев, карабулаков и ламаккхинцев. Говоря о заселении этих земель чеченцами, П.И. Ковалевский писал, что они, чеченцы, «мало-помалу стали спускаться с гор и постепенно занимать под свои аулы Кумыкскую плоскость. Так образовался целый ряд аулов от Качкалы-ковского хребта и чуть не до Кизляра по Тереку, образуя Качкалыковскую Чечню» [3, с. 16].

В то время как одна часть чеченских племен осваивала восточные районы современной Чечни, другая двигалась на запад, по междуречью Терека и Сун-жи. Освоение этих территорий позволило чеченцам-орштхоевцам еще во второй половине XVIII в. начать освоение земель в нижней части Фортанги и Ассы. В тот период в верхней части бассейна р. Ассы располагались ингушские (галгай) селения, а по р. Армхи жили ингуши-фаппинцы, граничившие в нижней части ущелья с джераховцами. Иногда к орштхоевским владениям относили территорию, расположенную между реками Фортангой и Шалажи, однако, как подчеркивают некоторые ученые, еще в 1762 г. там располагались только пастбища горных чеченцев. Но уже с 80-х гг. XVIII в. эту территорию заселили выходцы из Ичкерии и Аргунского ущелья, а также аккинцы, ялхороевцы, галайцы, нашхоевцы, мержоевцы и другие чеченские племена.

С начала XVIII в. усиливается процесс переселения с гор на равнину ингушей. Они мигрируют на запад, по ущельям р. Терек (на север, через ущелье р. Ассы их не пускали на плоскость карабулаки). Ингуши заселили предгорье Тарской долины (с. Ангушт известно уже не позднее конца XVII в.) по берегам р. Камбилеевки.

До окончания войны царизма с силами имама Ман-сура (период с 1785 по 1791 г.) в документах не зафиксированы какие-либо передвижения ингушей на новые земли. Переселение их в местность Назрань, судя по некоторым источникам, происходило в начале XIX в. Оно было осуществлено с согласия и под покровительством чеченцев и их союзников кабардинцев. На это указывает рапорт коменданта крепости Владикавказ генерал-майора Дельпоццо генералу от инфантерии Булгакову 13 июня 1807 г.: «...ингушевский народ, ...войдя в теснейший союз с кабардинцами и чеченцами, переселились все на место, именуемой Назрань., приняли от них мулл, построили мечети, приступили к исповеданию Мухаммеданского закона и обязались как чеченцам, так и кабардинцам по условию платить подати» [3, с. 19]. Восточнее Назрани располагалось с. Ян-

дыри, в котором насчитывалось 80 дворов чеченцев-орштхоевцев и подселившихся к ним позднее ингушей. Южнее Яндыри находилось с. Галашки, основанное представителями чеченского тайпа Галай. Совместными поселениями чеченцев и ингушей было с. Верхний Алкун, с. Фалхан было основано выходцами из чеченского с. Акки.

В зону чеченской внутренней колонизации в начале XIX в. вошла и территория современного Малгобеков-ского района, которая считалась тогда частью Малой Кабарды. В 1822 г. на этих землях возникло чеченское с. Пседах (Доблак-Юрт), несколько позднее были образованы аулы Кожакон и Мизи-Юрт. Кроме-того, чеченцами и кумыками было основано селение Магомет-Юрт (станция Вознесенская), совместным поселением чеченцев, кумыков и кабардинцев стало с. Кизляр.

Значительной была доля чеченцев в составе населения русских городов, основанных вблизи Терека. Так, в конце XVII в. в Окоцкой слободе г. Терки насчитывалось несколько сот дворов окочан (аккинцев), и доля чеченцев в населении этого города превышала 18 %. В Кизляре в 1796 г. проживало более 1,0 тыс. чеченцев (17,9 % населения города). В разноязычном населении Кизляра они были второй после армян национальной группой [3, с. 21].

С конца XVI в. в степях Предкавказья появились кочевья ногайцев. Начало их массовому перемещению на территорию Северо-Восточного Кавказа положила Большая Ногайская Орда, перешедшая в 1606 г. на правый берег р. Волги. Она заняла своими кочевьями притеречные степи, затронув тем самым хозяйственные интересы чеченцев, кумыков и кабардинцев. Но эта ситуация сохранялась недолго, так как в начале 1620 г. в результате феодальных войн Орда распалась и была вынуждена примириться с Россией, а ее кочевья вновь переместились в Поволжье.

Новое перемещение кочевых подразделений ногайцев к берегам Терека относится к 1645 г. и связано с известиями о повторном нашествии калмыков. В 1649-1650 гг. из астраханских степей откочевал к Тереку еще один ногайский улус, который обосновался между реками Койсу (Сулак) и Аксай. Во второй половине XVII в. ногайцы не раз покидали прикаспийские степи, перемещаясь то к Астрахани, то к Кубани. И только в XVIII в. они окончательно осели на этой территории.

Не удивительно поэтому, что при наличии столь большого количества разнообразных этносов на территории Дагестана, Чечни и Ингушетии шел процесс образования совместных поселений, в которых проживали представители многих северокавказских народов. На территории Чечни это были Девлетгиреева деревня, Новый Юрт, Шали, Брагуны. Смешанное кумыкско-чеченское население проживало в качкалы-ковских селениях: Кошкельды, Ойсунгур, Исти-су и др. Совместными селениями, где жили дагестанцы, чеченцы, ингуши и кабардинцы, в Дагестане были Боташ-юрт, Байрам-аул, Эндирей, Аксай и др. На смежных территориях Аварии и Чечни возник целый ряд совместных поселений. Так, аварское селение

Ансалта (Ботлихский район), по преданию, считается основанным чеченцами, а чеченский Ишхой-аул - аварцами [4, с. 301].

В Дагестане, Кабарде, Чечне, Ингушетии возникли целые фамилии неместного происхождения. Так, в пограничных районах Аварии и Чечни проживали тухумы Чунгурулал и Блитал, имеющие общие корни среди аварцев и чеченцев [5, с. 279]. Родоначальниками кабардинских фамилий Шамхаловых, Кумыковых, Казанищевых и других были выходцы из Дагестана; фамилии Кабардиевых, Тамбиевых в Дагестане основаны кабардинцами. Ингушские тухумы Котиевых, Тогиевых, Гадарбошевых происходили от кумыков. Родоначальниками чеченских фамилий Шавхаловых, Айдемировых были горцы Дагестана [4, с. 302].

Еще одной группой населения Северо-Восточного Кавказа были казаки. Терско-гребенское казачество, обосновавшееся на левобережье Терека еще в конце XVI - начале XVII в., с самого начала своего существования являлось служилым, т.е. оно было создано не движением народных масс, а царским правительством, которое очень рано поняло все выгоды казачьей системы при осуществлении своих планов на Кавказе.

На это прямо указывают и исторические документы. «Заселение Северного Кавказа по течению р. Терка выходцами из Великороссии началось в XVI в. при Иване Грозном. Первые казаки, появившиеся здесь, представляли собой часть гарнизона крепости Терки, основанной в 1577 г. Возникновение же собственно казачьих поселений относится к XVII в.» [6, с. 18]. Об этом же говорит генерал В. Потто, указывая на то, что на берегу Каспия казаки построили Терки, «куда стали собирать к себе кабардинцев, чеченцев, кумыков и даже черкесов, из которых в последствии и образовалось Терское войско» [7, с. 39].

И Не можете найти то, что вам нужно? Попробуйте сервис [подбора литературы](#).

Таким образом, первые терские казаки относились к категории так называемых «городовых казаков». Они использовались в основном для гарнизонной, разведывательной и сторожевой

службы. Городовые казаки со временем получали участки земли, освобождались от всех податей, награждались денежным жалованием.

На протяжении XVII в. в силу слабости позиций России на Северо-Восточном Кавказе, положение терских казаков было неустойчивым. В 1653 г. значительная часть их поселений была уничтожена и осталась невозстановленной. По свидетельству И. Гербе-ра, даже в начале XVIII в. казаки были не в состоянии предпринимать какие-либо серьезные действия против чеченцев. А в 1707 г. большинство оставшихся казачьих городков было уничтожено набегом кубанских и крымских татар и черкесов.

Естественно, находясь в окружении горцев, терские казаки подвергались значительному влиянию последних. О гребенских казаках второй половины XVIII в., например, известно, что «посредством браков они настолько смешались с татарами (т.е. с горцами), что их прежняя русская речь превратилась в ломаный язык, смешанный с татарским». Об этом же писал намного позже Л.Н. Толстой: «Живя между чеченцами, казаки породнились с ними и усвоили себе

обычай, образ жизни, нравы горцев... Молодой казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски» [8, с. 143].

Между тем обстановка на Кавказе к середине 30-х гг. XVIII в. претерпела существенные изменения. Ситуация складывалась таким образом, что османская Порта стала серьезным противником России в районе Черного моря. В таких условиях России пришлось заключить с Ираном в 1735 г. Гянджинский мирный договор, по которому западное побережье Каспийского моря от Гиляна до крепости Святого Креста переходило Ирану. По условиям договора русская армия должна была оставить последний опорный пункт на Северо-Восточном Кавказе - крепость Святого Креста. Осенью 1735 г. эта крепость была упразднена, а ее «жители российские, грузины и армяне, какие там тогда были, равно и служащие регулярные и нерегулярные» были переведены в крепость Кизляр [9, с. 53].

Кизляр - один из старейших городов в Дагестане, через который Россия распространяла свое влияние на Кавказе. По своему экономическому и политическому значению Кизляр, начиная с 40-х гг. XVIII в. и в течение более ста лет, являлся «русской столицей на Кавказе» [10, с. 35] и «долгое время оставался единственным во всем Предкавказье городом» [11].

В литературе немало предположений о происхождении названия «Кизляр». Одни считают его произошедшим от персидского слова «кюзляр» - глаза (по преданию, в этом месте один из персидских правителей ослепил брата, в котором видел угрозу своему величию); другие название «Кизляр» связывают с кумыкским словом «кызлар» - девушка (в память о гибели двух пленниц одного кумыкского хана, бросившихся здесь в речку - один из рукавов Терека); и т.д. Отметим также, что еще в древние времена, когда в этих местах не было никакого поселения, один из многочисленных притоков Терека назывался Кизляркой.

Первое письменное упоминание об этом поселении встречается в документах середины XVII в. Старый Кизляр, или «Кизлярский городок», как он упоминается в русских источниках, располагался на сухопутном караванном пути из Персии в Астрахань и играл большую роль в развитии торговли между Россией и Закавказьем. В 1730 г. для защиты южных границ России от нападения горцев в Кизляре было построено небольшое укрепление.

После Гянджинского договора 1735 г. между Россией и Персией возникла необходимость возвести вблизи Терека мощную крепость для охраны интересов России в этом районе. Генералу Левашову, участнику многих походов Петра, были поручены выбор места и сооружение этой крепости. Перед новой крепостью ставились следующие конкретные задачи: «Она должна была выполнять роль пограничной крепости, защищать путь, который шел по берегу Каспийского моря, а также служить опорным пунктом для казачьих станиц, расположенных вдоль границы по Тереку» [12, с. 63].

Выбор Левашова пал на Кизляр, расположенный недалеко от Аграханского залива. Это был пункт, наи-

более отвечающий поставленным условиям сооружения крепости. Генерал сам разработал и проект новой крепости (в последующем он не раз изменялся). Вместе с проектом зародилась идея нового расселения не только регулярных войсковых частей, но и беспорядочно разбросанных терских казачьих поселений. Часть аграханских казаков была расселена в новых станицах - Бороздиновской, Дубовской и Каргалин-ской, образовав так называемое Терское семейное войско, а другая часть - в Кизляре и вниз по Тереку к Каспийскому морю, образовав Кизлярское войско.

В результате такого расселения образовалась большая укрепленная линия, протянувшаяся по левому берегу Терека от Червленной до Каспийского моря, с тремя мощными опорными пунктами: Гребенское (состоявшее из 5 станиц), Семейное и Кизлярское. И так, «передвижением гребенских городков на левый берег, постройкой Кизляра и поселением Терского семейного войска между Кизляром и Гребенским войском было положено начало великой Кавказской линии, где затем разыгралась столетняя Кавказская война...» [13, а 269].

Как показали последующие события, Кизлярская крепость и вся укрепленная линия приобрели большое военно-стратегическое значение.

Гражданское население крепости состояло из казачьих семейств, а также переселенцев - армян, грузин, казанских татар и представителей ряда кавказских национальностей, в том числе и чеченцев. Каждому переселенцу в районе крепости выделялась земля под пашню и 10 р. на обустройство. Высшим воинским чинам, духовным лицам, а также представителям других привилегированных сословий, составлявших опору власти, отводилось по 100 и более десятин лучших земель.

При заселении Кизляра в специальном «Ордере», дабы «избежать обиды и ссоры между разных наций жителей», давались подробные инструкции какой «нации» где селиться, как должен решаться вопрос о соседстве внутри одной «нации»: «кому подле кого усадьбу иметь приказать жребий метать, а будет кто подле кого добровольно селиться похотят.и в том спору не будет., таковым возбраненья не чинить» [13; 14, с. 250].

С ростом населения вокруг крепости появились первые кварталы жилых домов. В «Записках о Кизляре» Ю.Шидловский пишет, что город состоял из нескольких слобод: армянской (Арментир), грузинской (Курцеауль), отделение новокрещенцев (Кристизуль), татарской слободы, заселенной ногайцами и кумыками (Окочирьаул), казанских татар (Казантеаул) и станицы терских казаков [15, с. 165].

Однако в начале XIX в. в связи с усилением колонизаторских устремлений царизма, широкие торговые связи России с народами Дагестана и других районов Северо-Восточного Кавказа, осуществлявшиеся через Кизляр, стали значительно ослабевать. Торговля с «непокорными» была запрещена, на Кизлярскую таможню возложили осуществление строгого надзора за провозом изделий кустарного промысла горцев.

Кроме того, развернувшиеся в этот период боевые действия на Восточном Кавказе вызвали необходимость продвижения укрепленных пунктов царских войск из степных районов к передовым отрогам, а затем в глубь Кавказского хребта. Эти обстоятельства способствовали постепенному превращению Кизляра из пограничного форпоста в тыловой город.

В 1857 г., незадолго до окончания Кавказской войны, некогда грозная Кизлярская крепость была за ненадобностью упразднена. Потеряв былое военно-стратегическое и торговое значение, Кизляр превратился в один из уездных городов Ставропольской губернии. Выражаясь словами Д. Васильева, «в последующем история как бы прошла мимо этого города» [16].

Несмотря на это, не следует забывать, что Кизляр, продолжая традиции Терского городка и Святого Креста, представлял собой сложный и своеобразный разноязыкий конгломерат народов, а для представителей Северо-Восточного Кавказа с момента своего основания имел

исключительное значение не только как политический и экономический, но и как культурный центр региона. Его по достоинству называли «русской столицей на Кавказе», а всю огромную территорию, включающую северную часть современной республики Дагестан, Чечню, Ингушетию, Кабарду и часть Северной Осетии - Кизлярским краем.

Литература

1. Ибн-Хаукаль. Из книги путей и стран. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38.
  2. Гаджиев В.Г. Вековая дружба братских народов // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа : сб. ст. Махачкала, 1982.
  3. Чеченская республика (население, экономика, история). Все о Чечне и ее народе. Грозный, 1995.
  4. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
  5. История Дагестана. М., 1967. Т. 1.
  6. Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские. XIX - нач. XX в. Махачкала, 2001.
  7. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). Ставрополь, 1991.
  8. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 47. М., 1937.
  9. Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Армянские общины Дагестана в XVIII-XIX вв. Махачкала, 2007.
- Не можете найти то, что вам нужно? Попробуйте сервис [подбора литературы](#).
10. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / сост. В.Н. Гамрекели. Тбилиси, 1968.
  11. АКАК. 1869. Предисловие.
  12. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья. М., 1957.
  13. Кажлаев А.Н. Возникновение и экономическое развитие городов Дагестанской АССР. Махачкала, 1971.
  14. Материалы для истории инженерного искусства в Рос- 16. Васильев Д. Кизляр при капитализме // Кизлярская прав-сии. СПб., 1865. Ч. 3. С. 250. да. 1969. Июнь.
  15. Шидловский Ю. Записки о Кизляре // Журн. МВД. 1843. Ч. 4. С. 165.

Поступила в редакцию 14 мая 2009 г.